

О ПЕРЕВОДѢ ПОЭМЫ МИЦКЕВИЧА:
ВАЛЛЕНРОДЪ, помѣщенномъ въ N° VII, VIII,
IX и X Московскаго Вѣстника, 1828 года.

(Письмо къ Издателю Телеграфа).

Прочитавъ въ Московскомъ Вѣстникѣ прозаическій переводъ Валленрода, поэмы Мицкевича, я твердо былъ увѣренъ, что въ какомъ-нибудь журнальѣ появившійся полный разборъ сего перевода, шѣмъ болѣе, что наши журналисты, кажется, никогда не упускаютъ случая дѣлать свои замѣчанія о всякой значительной (а иногда и вовсе незначительной) журнальной спашейкѣ, замѣченной ими въ другомъ по-временномъ изданіи: ссылаюсь на всѣ крипики, ашпи и рекрипики журнальныхъ спатеекъ и даже *опе-затокъ*. Однакожь, до сихъ поръ никто не сказалъ еще ни слова о переводѣ Валленрода, а это такая опечатка, о которой, кажется, не лзя было не упомянуть. Но такъ какъ ожиданіе мое, хотя и справедливое, не сбылось до сего времени, то прошу васъ помѣспить въ журналѣ вашемъ крашкія мои замѣчанія о семъ переводѣ; можетъ бытьъ они пробудятъ въ комъ-нибудь охоту написать и полный разборъ.

О подлинникѣ распространяться не нужно: довольно упомянуть, что это одно изъ блистательнѣйшихъ явленій литературы нашего времени, что оно принято было со всеобщимъ воспоргомъ въ Польшѣ, и что тамъ теперъ—

«... powszechna między bracią zgoda
Nad wszystkich wyżej stawia Wallenroda.»

(Валленродъ, стр. 4).

Очень жаль, что у насъ ввелось обыкновеніе переводить поэмы прозою. Прозаическій переводъ поэмы, какъ-бы впрочемъ хорошъ онъ ни былъ—ничто иное, какъ остовъ прекраснаго существа, обнаженнаго отъ всѣхъ его прелестей. Конечно, и по остову можно видѣть величину и правильность размѣровъ, можно иногда догадываться объ изяществѣ нѣкоторыхъ формъ; но можно-ли видѣть всю красоту, все живое разнообразіе и вмѣстѣ съ тѣмъ всю увлекательную гармонію цѣлаго? И въ такомъ случаѣ переводъ не будетъ-ли походить на списокъ Рафаэлевой Мадоны, въ которомъ хотя тѣ-же очерки, тѣ-же размѣры, но нѣтъ ни души, ни жизни, ни выраженія, вложеннаго творцомъ-геніемъ? Въ такомъ-то отношеніи содержится переводъ Валленрода къ подлиннику, и слѣдовательно, какъ и всѣ переводы такого рода, имѣетъ многіе недостатки, которые можно раздѣлить на общіе и частные. Обозначу слегка только нѣкоторые, предоставляя другимъ входить въ подробнѣйшее изслѣдованіе.

Одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ общихъ, состоитъ въ томъ, что поэма *переведена*—и переведена *прозою*; слѣдственно, прелестъ ея для насъ совершенно потеряна, и мы, вмѣсто поэмы, читаемъ только одно содержаніе ея. Далѣе—слогъ перевода ни сколько не соотвѣтствуетъ слогу подлинника. Въ подлинникѣ слогъ живой, пламенный,

увлекательный, и при непрерывномъ разнообразіи своемъ сохраняетъ вездѣ возвышенную, Гомеровскую простоту, о которой наши писатели, по видимому, еще не имѣютъ никакого понятія. Слышишь, кажется, что всѣ дѣйствующія лица говорятъ отъ полноты чувствъ, слова, не авторомъ сочиненныя, но внушенныя имъ, такъ сказать, собственнымъ ихъ сердцемъ; рѣчи ихъ выливаются прямо изъ глубины души и оплываютъ въ душѣ читателя, какъ будто какая-то небесная гармонія. Одно слово, поставленное на мѣстѣ, даетъ неизъяснимую прелесть, нѣжность, величіе или очаровательность цѣлому выраженію, увлекающему читателя за собою въ міръ фантазіи, созданный поэтомъ—и міръ сей становится для него міромъ существеннымъ. Таково могущество генія — поэта! Слогъ перевода, напрошивъ, вездѣ холоденъ, растянутъ, а болѣе всего надутъ, или, лучше скажешь, напыщенъ, и такъ далеко отъ величественной простоты подлинника, какъ небо отъ земли: нѣтъ въ немъ ни живости, ни нѣжности, ни порывовъ подлинника, ни того увлекательнаго разнообразія, коимъ такъ богата поэма Мицкевича. У него каждое отдѣленіе, почти каждая строфа имѣетъ свой особый характеръ, и это не только не вредитъ общности поэмы, но напрошивъ, придаетъ ей какую-то особенную прелесть и гармонію, чего въ переводѣ нѣтъ совершенно: тамъ сначала и до конца дышетъ какой-то однообразный холодъ; герои поэмы, во всякомъ случаѣ, во всякомъ положеніи, говорятъ одинаковымъ, безцвѣтнымъ, надутымъ языкомъ, составленнымъ кажется, по образцамъ классическихъ

Французскихъ швореній. Къ недостаткамъ общимъ должно еще причесть особенное искусство Г-на Переводчика, такъ *затемнять* лучшія мѣста подлинника, что по его переводу нѣтъ никакой возможности догадаться, что то или другое мѣсто въ подлинникѣ опличается красотою первоклассными, необыкновенными. Изъ числа такихъ замаскированныхъ мѣстъ замѣчу только слѣдующія: М. В. Часть VIII-я, стр. 295-я *вся*; стр. 296-я, отъ послѣдней *à linea* до половины слѣдующей страницы; стр. 371-я, пѣснь изъ башни *вся*; стр. 386-я, пѣснь Вайделота—*вся*; часть IX, стр. 31-я, Альпугара, баллада—*вся*; стр. 141-я *вся*.

Полагаю, что Г-нъ Переводчикъ писалъ такъ не отъ неумѣнія выражаться лучше, а просто отъ *незнанія языка Польскаго*, чему скоро увидимъ доказательства. Если и предположимъ, что Г-нъ Переводчикъ знаетъ языкъ Польскій, то все ему не слѣдовало спѣшить переводомъ, а изучить прежде языкъ поэмы, который и сами Поляки слышатъ еще въ первый разъ, и которому надобно также изучаться, какъ языку Тасса, Аріоса, Шекспира, Мура и прочихъ геніяльныхъ писателей. Тогда-бы Г-нъ Переводчикъ и самъ могъ увидѣть, что взялъ на себя трудъ не по силамъ, и вмѣсто перевода поэмы не представилъ-бы намъ пародіи. Незнаніе языка, вѣроятно, ввело Г-на Переводчика въ грубыя ошибки, составляющія частныя недостатки его перевода. Замѣчу только нѣкоторыя изъ нихъ.

Г-нъ Переводчикъ *пропустилъ* очень много словъ подлинника; онѣ хотя и не *пышныя*, но придають

особенную силу выраженію. Напр., М. В. Часть 8-я, стр. 294-я: «съ удовольствіемъ выслушивалъ лепешъ женщинъ,» пропущено маленькое слово: *даже*, «выслушивалъ *даже* лепешъ,» и пр.; стр. 296-я: «и не могли надивиться перемѣнѣ—» а въ подлинникѣ: «и дивились *необыкновенной* перемѣнѣ;» стр. 374-я: «онѣ являюся на свѣстѣ изъ воды» — а у Мицкевича сказано: «изъ *мутной* воды;» Часть 9-я, стр. 138-я: «я долженъ умереть—насиіемъ —» а въ подлинникѣ сказано опредѣленіе: «я *скоро* долженъ» и проч. ; стр. 27-я, послѣ словъ: «поплачь обо мнѣ,» пропущено: «Вальтеръ всего лишился,» и множество сему подобнаго можно — бы замѣшить, если-бы это не было скучно.

Но въ вознагражденіе за такіе пропуски Г-нъ Переводчикъ очень щедро *прибавляетъ* совсѣмъ ненужныя слова, которыхъ *вовсе нѣтъ* въ подлинникѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ вставокъ. М. В. Часть 8-я, стр. 299-я: «долго искала она пустынного уединенія» — *долго* путь совершенно лишнее и въ подлинникѣ нѣтъ ничего о времени. — Спр. 301-я: «Комтуръ. . . напрягаетъ слухъ.» Если вы всю поэму сначала до конца прочтете, нигдѣ не встрѣтите, чтобы «*Комтуръ напрягалъ слухъ.*» Спр. 370-я: «бѣжалъ, завидя издали врага,» и пр.; у Мицкевича никто *шумъ* не *бѣгаетъ завидя.* — Спр. 371-я: «бѣжитъ, ищетъ въ замкѣ» — *ищетъ*, лишняя вставка. Спр. 375-я: «въ тихіе дни юности—» объ юности въ подлинникѣ нѣтъ ни слова. — М. В. Часть 9-я, стр. 21-я: «но въ свою *тереду* покорена Тевтонами;» въ подлинникѣ просто, безъ *всякой тереда*, покорена. Спр. 28-я: «то была *преж-*

де обитель дѣвъ.» Что было *прежде*, о томъ въ подлинникѣ не сказано.—Спр. та-же : « *долго* слѣдоваль за нею,» въ подлинникѣ не сказано *долго-ли*, а просто : « послѣдоваль за нею,» и пр. и пр.—Если Г-нъ Переводчикъ скажетъ, что онъ дѣлалъ такія прибавки для чистоты слога или для красоты Русскаго языка, это ни мало не послужитъ ему оправданіемъ : можно и не выпуская ни одного слова изъ подлинника и не прибавляя ни одного собственнаго, сохранить и чистоту и правильность; стоило только дать другой оборотъ фразамъ.

Но, кромѣ множества пропусковъ и еще большаго числа вставокъ, чѣмъ оправдается Г-нъ Переводчикъ въ такихъ мѣстахъ своего перевода, гдѣ *нѣтъ никакого смысла*? И это сдѣлано не для красоты-ли Русскаго слога? Напр., М. В. Часть 8-я, стр. 384-я : « когда хочу послать вздохъ къ родинѣ, къ сей возлюбленной, не знаю—гдѣ лежитъ домъ ея ; » то естъ родина имѣетъ свой домъ ! такъ, кажется ? Этого домъ долженъ быть совершенно отличной архитектуры отъ домовъ, въ которыхъ живутъ люди : въ немъ живетъ цѣлая *родина* ! Черезъ страницу (386) читаете : « имъ сладко будетъ слышать память прежнихъ подвиговъ. » — Кто слыхалъ когда-нибудь *память*?—Ссылаюсь на васъ, Г-нъ Переводчикъ, что и вы вѣрно никогда не слыхивали такого дива ; какъ-же вы хотите, чтобы читатели васъ поняли ? Но такихъ диковинокъ и много найдется.

Мицкевичъ скупъ, очень скупъ на эпитеты; если же гдѣ они поставлены, тамъ ни измѣнить, ни опустить ихъ не возможно, не повредивши смысла цѣлой

фразы. Г-нъ Переводчикъ по большой части вездѣ, по произволу, *переносилъ* эпитеты отъ одного слова къ другому, къ кошорому Авторъ и не думалъ приставлять ихъ. Напр., М. В. Часть 8-я, стр. 296-я: «ударяешь въ *могучаго* льва очами—» а въ подлинникѣ сказано: и могущественно ударяешь льва очами.—Часть 9-я, стр. 25-я: «смотришь на нее съ *нѣмымъ* выраженіемъ опчаянія,» а у Мицкевича: съ выраженіемъ нѣмаго опчаянія; стр. 134-я: «ни *гордые* крики побѣдителей,» а въ подлинникѣ: ни крикъ гордаго побѣдителя, и пр. и пр.

Такихъ самовольныхъ переспановокъ много; но не довольствуясь ими, Г-нъ Переводчикъ часто эпитеты подлинника *замѣняетъ* своими, что выходитъ еще забавнѣе. Напр., М. В. Часть 8-я, стр. 303-я: «Нѣмень принимаетъ *ее* въ свои *быстрыя* объятія,» а въ подлинникѣ: Нѣмень схватываетъ въ мощныя объятія. Стр. 370-я: «ведутъ *несмѣтное* войско;» въ подлинникѣ сказано только: *сильное*. Стр. 374-я: «и гдѣ ни скользнешь своею *извитою* грудью,» въ подлинникѣ *блуждающею*. Стр. 381-я: «Комшуры (по Русски говорятъ: *Коммандоры*, но это въ сторону) съ братьями *спѣшатъ* въ столицу,» а у Мицкевича они только *ѣдутъ*,» и пр. и пр.

Часто Г-нъ Переводчикъ измѣнялъ даже смыслъ цѣлой рѣчи; не казалось-ли ему, что его фразы будутъ сильнѣе и красивѣе, нежели въ подлинникѣ? Вѣроятно такъ! Напр., М. В. Часть 8-я, стр. 295-я: «Однако, когда скука или грусть терзали его въ уединенномъ покоѣ—онъ искалъ утѣшенія въ винѣ.» Тутъ всякій невольно сдѣлаетъ вопросъ: да для чего-же онъ сидитъ въ уединенномъ покоѣ,

когда ему памъ скучно и грустно? Для чего онъ не выйдешъ? — Дѣло въ томъ, что у Мицкевича сказано то-же на оборотъ: «Однакожь когда скука или грусть шерзали его, онъ, запершись въ уединенномъ покоѣ, искалъ утѣшенія въ винѣ.» Спр. 301-я: «вы слышали вѣщее имя—» а въ подлинникѣ: слышали-ль вы? пророчество о Конрадѣ! Спр. 371-я: «братья ночью слѣдили его шаги,» а въ подлинникѣ, буквально: братья слѣдили его ночные шаги,» и этому выраженію легко-бы дать Русскій оборотъ. Спр, 371-я: «бываетъ видѣнь издали какъ памятникъ;» у Мицкевича: свѣлился (или блестящъ) издали, какъ мраморная статуя! Спр. 377-я: «Помни, что даже вѣтерокъ можешь навсегда унести насъ съ земнаго круга,» а въ поэмѣ сказано, что, подобно легкому вѣтерку, мы навсегда исчезнемъ изъ земной юдоли! Спр. 384-я: «другіе со стыдомъ кроюся въ лѣсахъ—» это значишь: они кроюся въ лѣсахъ отъ того, что имъ стыдно; но отъ чего-же имъ стыдно? Мицкевичъ не объясняетъ причины стыда ихъ, а говоритъ: иные постыдно скрываются въ лѣсахъ. Частъ 9-я, стр. 22-я: «а прощался съ нею нѣжнымъ *вздохомъ!*» Прощаніе вздохомъ очень нѣжно, однако-же въ подлинникѣ: *взглядомъ!* Спр. 23-я: «Какъ! намъ уѣхашъ и покинушь другихъ матерей съ дѣтьми ихъ!» У Мицкевича безъ всякаго восклицанія сказано, просто, и сильно: «мы уѣдемъ, но останутся другія матери и дѣти.» Оставляю мнѣшество сему подобнаго.

Иногда отъ созвучія Польскихъ словъ съ Русскими, у Г-на Переводчика выходятъ забавныя превра-

щенія ; такъ напримѣръ, на 291-й стр. VIII-й части М. В. , онъ наряжаетъ Липовцевъ въ рысы *калпаки*, Коммандоровъ превращаетъ въ *Комтуровъ*, изъ хмѣля дѣлаетъ *красный вѣнокъ* и перевиваетъ имъ рѣку, Альфа одѣваетъ въ *юношескія латы* (Часть 9-я, стр. 15-я: «Часто надѣвъ *юношескія латы* , » и пр., хотя у Мицкевича въ цѣлой поэмѣ нѣтъ ни гдѣ ни слова объ *латахъ юношескихъ*; у него Альфъ рассказываетъ Кейспуту о своихъ дѣтскихъ *лѣтахъ*, и продолжая повѣсть, говоритъ : попомъ, въ *лѣтахъ юности* , и проч.). Но всего забавнѣе то, что Г-нъ Переводчикъ на 139-й стр. 9-й Части, заставляешь Валленрода *выпить ядъ за здоровье Гальбана !!!* Слыханое-ли дѣло, чтобы *за здоровье пили* ядомъ ! Но можетъ быть въ старину и велось такое обыкновеніе (объ этомъ не худо-бы спросить какого-нибудь Аншикварія) ; по крайней мѣрѣ « въ насъ сіѣго не має ! » (*Твардосскій* , Баллада). Послѣ этого Гальбану должно-бы учтивымъ образомъ поблагодарить Валленрода за такую честь, а онъ, ни съ того, ни съ сего, отвѣчаетъ : « Нѣтъ, я переживу и себя, сынъ мой ! » - Какъ это согласить? и за что Г-нъ Переводчикъ всклепалъ такую небывицу на Мицкевича ? У него Валленродъ, выпивши ядъ , говоритъ Гальбану : « Спарецъ ! твоя очередь ! » — Верхъ искусства—оканчивашъ поэму за здравнымъ кубкомъ, въ которомъ, вмѣсто вина, налишь ядъ, и благодарность Г-ну Переводчику !

Изъ всего можно вывести слѣдующее : 1-е, что не желаніе « познакомить читателей съ симъ новымъ произведеніемъ Польскаго поэта, » какъ говоритъ Г-нъ Переводчикъ, а маленькое тщеславіе :

представить переводъ съ языка мало извѣснаго въ Россіи—было побудительною причиною персвода; 2-е, что Г-нъ Переводчикъ самъ не знаетъ языка Польскаго, и переводилъ не прямо съ Польскаго, а съ изустнаго Французскаго перевода какого-нибудь Поляка, худо образованнаго, не знающаго ни Русскаго, ни своего поэтическаго языка. Въ противномъ случаѣ онъ не надѣлалъ-бы такихъ грубыхъ ошибокъ, и замѣтилъ-бы, что на 82-й стр. подлинника, вѣроятно ошибкою типографскаго наборщика, пропущенъ цѣлый стихъ

Zgadnij dla czego przychodzę tak rano?

и отъ того и другой стихъ не имѣетъ рѣшмы, и отвѣтъ Альдоны не имѣетъ связи съ предыдущимъ; 3-е, что въ переводѣ ни мало не сохраненъ характеръ поэмы Польской, и 4-е, что эротъ переводъ не переводъ, а пародія на поэму Мицкевича.

Вотъ, М. Г., мои бѣглыя замѣчанія. Если они Г-ну Переводчику покажутся неудовлетворительны или недостаточны, то я готовъ на каждую назнаненную имъ страницу выставить по десяти ошибокъ; на исчисленіе-же всѣхъ конечно не достанетъ ни терпѣнія, ни силъ! Скучно и грустно пересчитывать плохой переводъ превосходной поэмы, а страницу-другую можно.

Честъ имѣю быть, и проч.

А.—К.—ій.

Керенскъ,

15 Сентября,

1828.

F. 8152